

ДЖЕЙМС КЕЙН

*ПОЧТАЛЬОН ВСЕГДА
ЗВОНИТ ДВАЖДЫ*

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
К33

Серия «Эксклюзивная классика»

James Mallahan Cain
THE POSTMAN ALWAYS RINGS TWICE
DOUBLE INDEMNITY

Перевод с английского
Е. Корягиной («Почтальон всегда звонит дважды»),
Н. Рейн («Двойная страховка»)

Компьютерный дизайн *Е. Фerez*

Печатается с разрешения издательства
Alfred A. Knopf, an imprint of The Knopf Doubleday Group,
a division of Penguin Random House, LLC.

Кейн, Джеймс.
К33 Почтальон всегда звонит дважды : [сбор-
ник] / Джеймс Кейн ; [пер. с англ. Е. Корягиной,
Н. Рейн]. — Москва : Издательство АСТ, 2019. —
288 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-107598-9

От любви до ненависти один шаг. Герои романов Кейна знают это не понаслышке. Ради новой счастливой жизни они готовы поддаться ослепляющей страсти и нарушить все табу общественной морали — даже если требуется убить человека. Но приведет это решение к долгожданной свободе или к краю пропасти?

«Почтальон всегда звонит дважды» и «Двойная страховка» — истории о любви, предательстве и коварном бумеранге судьбы, ставшие классикой жанра нуар.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© James M. Cain, 1934, 1936
© Copyright renewed by James M. Cain, 1962, 1964
 Школа перевода В. Баканова, 2018
© Перевод. Н. Рейн, наследники, 2018
© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

ISBN 978-5-17-107598-9

*ПОЧТАЛЬОН ВСЕГДА
ЗВОНИТ ДВАЖДЫ*

*Посвящается
Винсенту Лоуренсу*

Глава 1

Из грузовика с сеном меня вытряхнули примерно в полдень. А забрался я туда еще с вечера, недалеко от границы, и как только влез под брезент, тут же захрапел.

Хотелось отоспаться — после трех-то недель в Тихуане, — вот я и отсыпался. Машину тем временем остановили, чтобы поостыл мотор. У меня нога торчала из сена, потому меня заметили, ну и согнали. Я пытался было хохмить, но это не прокатило: хоть бы кто улыбнулся. Ладно сигареткой угостили; с тем я и двинул дальше в поисках, где перекусить.

И набрел на «Два дуба». Обычное придорожное заведение, каких в Калифорнии без счета. Закусочная, а над ней — комнаты хозяев. Неподалеку бензозаправка и рядок хибар, который тут назывался мотелем.

Я вбежал в закусочную, будто запыхавшись, и глаз не сводил с дороги. Когда появился хозяин-грек, я спросил, не проезжал ли тут парень на «кадиллаке». Он, дескать, должен был меня забрать, а сначала накормить обедом. Сегодня — не проезжал, сказал грек. Он принялся накрывать

на стол и спросил, что мне принести. Я заказал апельсиновый сок, кукурузные хлопья, яичницу с беконом, мексиканские блинчики энчиладос¹, оладьи и кофе. Вскоре он притащил сок и хлопья.

— Погодите-ка! Я вас должен предупредить. Если мой приятель не появится, вам придется поверить мне в долг. Расплатиться должен был он, а то я немного поиздержался.

— Ладно уж, заправляйся давай.

Грек явно был не против, и больше я не заливал про приятеля в «кадиллаке». И скоро сообразил: ему от меня что-то нужно.

— А чем ты занимаешься, что умеешь, а?

— Да все понемножку, то за одно берусь, то за другое. А что?

— Лет тебе сколько?

— Двадцать четыре.

— Молодой совсем. Мне бы сейчас пригодился молодой парень. Помощник.

— У вас тут ничего местечко...

— А воздух какой чистый! Это тебе не Лос-Анджелес, где не продохнуть.

— Ночью, наверное, и вовсе шикарно. Уже сейчас чувствуется.

— И спится тут отлично. В машинах разбираешься? Ремонтировать умеешь?

— Еще как! Я прирожденный механик.

¹ Энчиладос — традиционное блюдо мексиканской кухни, которое представляет собой тонкую лепешку из кукурузной муки, в которую завернута начинка (мясо или овощи).

Он толковал про воздух, и как поздоровел с тех пор, как купил здесь мотель, и что ума не приложит, отчего это работники у него не задерживаются. Я-то мог бы объяснить, отчего, да только приналег на еду.

— Ну? Как считаешь, тебе здесь понравится?

Я как раз допил кофе и раскурил сигару, которую он принес.

— Вот что я вам скажу. У меня есть еще пара предложений — в этом вся загвоздка. Но я подумаю. Уверен, я все улажу.

И тут я увидел ее. Она была в кухне, а теперь вышла забрать тарелки. Не такая уж сногшибательная красотка, хотя и фигуристая; чем-то недозвольная, она так надула губки, что прямо хотелось в них впиться.

— Познакомься с моей женой.

Та на меня и не взглянула. Я кивнул греку, переместил во рту сигару — и только. Женщина унесла тарелки, как будто ее и не было.

Потом я ушел, но через пять минут вернулся — оставить записку «парню в «кадиллаке». Полчасика поломался, прежде чем согласиться на работу, а вскоре уже заклеивал на заправке старые шины.

— Эй, как тебя зовут?

— Фрэнк Чемберс.

— А я — Ник Пападакис.

Мы пожали друг другу руки, и грек ушел. Через минуту я услышал, как он что-то напевает. Голос у него был шикарный.

С заправки хорошо просматривалась кухня.

Глава 2

Около трех заехал к нам один клиент, злой как черт: ему залепили рекламой солнцезащитный щиток.

Мне пришлось забрать стекло в кухню, чтобы отпарить наклейку.

— О, энчиладос делаете? Да, кому, как не вам, уметь их готовить!

— Кому это — «вам»?

— Ну вам и мистеру Пападакису. Те, что мне подали на обед, были просто объеденье.

— А-а.

— У вас тряпки не найдется? Нужно щиток над паром подержать.

— Вы ведь не это имели в виду.

— Как раз это.

— Вы подумали, что я мексиканка.

— Да ничего подобного.

— Подумали, подумали. Не вы первый. Вот, держите. Я такая же белая, как вы, ясно? И пускай волосы у меня темные и я немного похожа на мексиканку, но я белая, не хуже вас. Усвойте это, если хотите здесь жить.

— Вы на них вовсе и не похожи.

— Я же вам и говорю...

— Ну какая из вас мексиканка? У мексиканок огромный зад, ноги кривые, здоровенная грудь, темная кожа, а волосы как будто нарочно салом намазаны. Вы совсем не такая. Вы стройная, и кожа у вас светлая и нежная, а волосы хоть и черные, но мягкие и волнистые. Одно только у вас как

у мексиканки — зубы. У них у всех белоснежные зубы, надо отдать им должное.

— Моя девичья фамилия — Смит. Не очень-то похожа на мексиканскую, верно?

— Не очень.

— Скажу больше — я вообще не отсюда. Я из Айовы.

— Смит, ясно. А зовут вас как?

— Кора. Можете, если хотите, звать меня по имени.

Я-то сразу понял, в чем дело. Не в энчиладос и не в черных волосах. Все дело было в муже-греке; это из-за него она не чувствовала себя белой женщиной, и еще она боялась, как бы я не стал называть ее «миссис Пападакис».

— Кора. Отлично. Как насчет того, чтобы называть меня Фрэнк?

Она подошла и начала мне помогать. Стояла так близко, что я чувствовал ее запах. И я сказал ей прямо в ушко, почти шепотом: «Ну и как тебя угораздило выйти за грека?»

Она подскочила, словно ее хлыстом ударили.

— А тебя это касается?

— Да. Еще как.

— Забирай свой щиток.

— Спасибо.

Я ушел. Я пробил ее оборону — основательно, до боли. И теперь у нас есть общая тайна. Может, она и не скажет «да», но и не заложит меня. Она отлично все поняла, и поняла, что я ее раскусил.

Вечером, за ужином, грек разозлился на Кору — она отказалась добавить мне жареной картошки. Ему хотелось, чтобы мне у них понравилось и чтобы я не ушел, как все прочие.

— Дай парню чего-нибудь поесть.

— Еда на плите. Он сам не может взять?

— Да все нормально. Я еще не доел.

Однако Ник уперся. Будь у него хоть капля мозгов, дотумкал бы, что это неспроста — не такая она женщина, чтобы заставлять парня самого еду накладывать. Но он был глуповат и все брюзжал. Мы сидели за кухонным столом — они друг напротив друга, а я в середине. Я на нее и не смотрел. Хотя платье заметил. Такой белый форменный халатик, в каких щеголяют медсестры или продавщицы в кондитерской. С утра он был чистый, а теперь немного измялся и потерял свежесть. Я опять чувствовал ее запах.

— Да ради бога!

Она поднялась, чтобы положить мне картошки. Халатик внизу чуть распахнулся, и мелькнула нога. Кора принесла картошку, но есть я уже не мог.

— Ну вот, он теперь еще и есть не желает!

— Съест, коли захочет.

— Я не хочу. В обед сильно наелся.

Ник вел себя так, словно одержал важную победу, и теперь был готов великодушно простить жену — такой крутой парень.

— Она у меня хорошая. Моя маленькая беленькая птичка. Голубка моя белая...

Ник подмигнул и стал подниматься по лестнице. Мы остались вдвоем и не проронили ни слова. Потом он вернулся с большой бутылкой и гитарой. Налил мне, но это оказалось сладкое греческое вино, и от него у меня в животе появилась какая-то тяжесть. Ник запел. У него был тенор — не слабенький тенорок, как те, что поют по радио, а сильный, и верхние ноты выходили слегка рыдающие, как на пластинках Карузо. Впрочем, я уже не мог слушать. Мне сделалось совсем худо.

Грек увидал, какое у меня лицо, и потащил на улицу.

— На воздухе станет лучше.

— Да я нормально...

— Сядь. Посиди спокойно.

— Идите домой. Я просто переел за обедом.

Он ушел, а меня вырвало. И черта с два виноград был обед, или картошка, или греческое пойло. Просто я так сильно хотел эту женщину, что желудок у меня ничего не принимал.

* * *

На следующее утро мы обнаружили вывеску на земле. В полночь поднялся ветер, а к утру началась буря — ну и сорвала ее.

— Ужас! Ты только погляди!

— Ветер был очень сильный. Я всю ночь не спал.

— Ветер-то ладно. Смотри на вывеску.

— Отвалилась.

Я пошел ее ремонтировать, а Ник то и дело выходил поглазеть.

— Откуда она у вас такая?

— Была здесь, когда я купил мотель. А что?

— Да паршивая. Удивляюсь, как у вас вообще бизнес идет.

Тут я ушел заправить машину клиента и оставил Ника поразмыслить над моими словами. Когда вернулся, он так и стоял, хлопая глазами, возле прислоненной к стене вывеске. Три лампочки на ней разбились. Я подключил ток — половина вообще не горела.

— Вкрути новые лампы и повесь — вот и ладно будет.

— Вам виднее.

— А что такое?

— Ну она... устарела уже. Теперь нигде таких не найдешь. Везде вешают неоновые. Они и на вид покрасивей, и электричества столько не жрут. И потом — что это за надпись? «Два дуба» — и все. Про закусочную — ни слова. От подобной рекламы аппетит не разгуляется. Человек не захочет остановиться и что-нибудь съесть. Такая вывеска приносит вам убыток, хоть вы этого и не замечаете.

— Поменяй лампы — и ладно.

— Почему не повесить новую?

— Некогда мне.

* * *

Очень скоро, однако, Ник пришел с листом бумаги. Нарисовал новую вывеску и раскрасил красными и синими мелками. Там упоминались и «Два

дуба», и «еда», и «барбекю», и «опрятные опартаменты», и «владелец Н. Пападакис».

— Роскошно. У всех челюсти поотвиснут.

Я исправил ошибки, а он добавил к буквам завитушек.

— Ник, чего ради тогда вешать старую? Почему бы вам прямо сегодня не поехать в город и не заказать вот такую? Настоящая красота, можете мне поверить. Это очень важно. Вывеска — лицо заведения, согласны?

— Так и сделаю. Ей-богу, сделаю!

* * *

До Лос-Анжелеса было миль двадцать; Ник разodelся так, будто собирался в Париж, и отправился сразу после завтрака. Как только он уехал, я запер переднюю дверь. Потом взял со стола неубранную тарелку и понес в кухню. Кора была там.

— Вот. Тарелка осталась.

— Спасибо.

Я поставил тарелку — лежавшая на ней вилка задребезжала, словно бубенчик.

— Я тоже думала поехать, но у меня тут полно готовки, — и решила не ездить.

— Да и у меня много работы.

— Вам уже лучше?

— Все нормально.

— Иногда расстройство бывает из-за какой-нибудь ерунды. Например, другая вода, или вроде того.

— Наверное, переел за обедом.

— Что это?

Кто-то ломился в дверь.

— Видимо, хотят войти.

— А дверь заперта?

— Кажется, я ее запер.

Она посмотрела на меня и побледнела. Пошла в зал, но через минуту вернулась.

— Уехали.

— Сам не знаю, зачем я ее запер.

— А я позабыла открыть... — и Кора двинулась обратно, но я ее остановил.

— Давай не будем открывать.

— Если будет заперто — никто не сможет войти. А мне еще готовить нужно. И тарелку помыть.

Я обнял ее и впился губами в ее губы.

— Укуси меня! Укуси!

Я укусил. Так сильно, что ощутил вкус крови. И кровь текла у Кору по шее, когда я нес ее наверх.

Глава 3

Потом два дня я был словно пришибленный, однако грек на меня дулся и ничего не заметил.

А дулся он потому, что я не починил дверь из кухни в зал. Кора сказала, что ударилась о дверь — нужно же было объяснить, отчего у нее распухла губа. Виноват оказался я: не починил дверь. Тогда я ослабил пружину — вот и вся починка.

На самом-то деле Ник был не в себе из-за вывески. Он потерял от нее голову и даже боялся,

как бы я не сказал, что идея моя, а не его. Да еще эту чертову вывеску не смогли сделать сразу, пришлось ждать три дня. Потом я забрал ее и повесил. На вывеске было все, что Ник нарисовал на листке, и кое-что еще. Греческий флаг, американский флаг, две руки в рукопожатии и надпись: «Качество гарантировано». Все это было написано красными, белыми и голубыми неоновыми буквами; я ждал, пока стемнеет, чтобы включить. Когда я повернул выключатель, вывеска засияла, как рождественская елка.

— Да, много я видал вывесок, но такой — ни разу. Нужно отдать вам должное, Ник.

— Ей-богу! Ей-богу!

Мы пожали друг другу руки и опять стали друзьями.

* * *

На следующий день, оказавшись на минутку с Корой наедине, я ткнул ее кулаком в бедро — да так, что чуть не сшиб с ног.

— Это еще чего?! — фыркнула она, словно пантера. Мне она такой нравилась.

— Как ты, Кора?

— Паршиво.

Меня опять стал преследовать ее запах.

* * *

Как-то раз Ник узнал, что один парень неподалеку продает по дешевке бензин. Он мигом прыгнул в машину и помчался запасаться. Я сидел